

ГЛАВА 4

«ОЧЕВИДНО, У НЕГО СВОЙ КОНТОКУРАНТ С БОГОМ...»: ВЕРА ЛЬВА ТОЛСТОГО¹

Один Толстой или два?

В огромном массиве критических исследований творческого наследия Льва Николаевича Толстого никогда не было и до сих пор нет согласия по поводу, по крайней мере, двух сюжетов: во-первых, соотношения его художественных и религиозно-философских произведений и, во-вторых, оценки духовного переворота конца 1870-х гг. В сущности, оба сюжета являются сторонами так называемой проблемы «двух Толстых». Относительно первого сюжета весьма распространено мнение, высказанное в свое время многими русскими философами, согласно которому Толстой был гениальным писателем и посредственным мыслителем², первый из которых «пользуется безграничным признанием, второй почти повсеместно и безусловно отвергается»³. В значительной степени это разделение остается актуальным до сих пор.

Одной из причин такого отношения является необычайная масштабность тех задач, которые Толстой как духовный реформатор ставил перед собой и которые нелегко поддаются адекватному осмыслению, что часто приводит к возникновению простой схемы объяснения по принципу «или — или» (ил. 7, 8). Применительно к России можно констатировать вслед за О. Седаковой, что

¹ Из письма И. С. Аксакова Н. Н. Страхову от 9 июня 1885 г. Цит. по: Бирюков П. Биография Л. Н. Толстого : в 2 т. М., 2000. Т. 1. С. 459. Контокурант — устаревший бухгалтерский термин, использовавшийся в России в XIX в. в значении «текущий счет» (*прим. ред.*).

² См.: Гельфонд М. А. Л. Н. Толстой как философ: Pro et Contra // Этическая мысль. 2010. Вып. 10. С. 177.

³ Франк С. Л. Нравственное учение Л. Н. Толстого // Л. Н. Толстой. Pro et contra : Личность и творчество Льва Толстого в оценке русских мыслителей и исследователей. СПб., 2000. С. 299. Сегодня в России представление о Толстом как о посредственном мыслителе отстаивает протоиерей Георгий Ореханов, который считает, что писатель в своих философских трактатах так и не сумел представить «законченную религиозную доктрину» (Ореханов Г., *прот.* Лев Толстой. «Пророк без чести»: хроника катастрофы. М., 2016).

здесь до сих пор имеет место «поразительная неоткрытость»⁴ Толстого, среди причин которой следует выделить, во-первых, советскую традицию критики его религиозно-философских взглядов, восходящую к принципу избирательного отношения к нему, высказанному еще Г. В. Плехановым в статье «Отсюда и досюда» (1910). Эта традиция, в свою очередь, во многом наследовала дореволюционной традиции споров вокруг Толстого и вплоть до начала 1990-х гг. оказывала влияние не только на российские, но и на западные исследования его творчества⁵. Во-вторых, положительная оценка Толстого как художника и отрицательная как мыслителя сегодня актуализируется в связи с возобновлением дискуссии по поводу определения Святейшего синода от 20–22 февраля 1901 г. об отпадении Толстого от церкви и с обсуждением проблем, возникших в связи с отношением Толстого к православной религии⁶. В-третьих, парадоксально, но факт: до недавнего времени большая часть религиозно-философских трудов Толстого на самом деле была малодоступна широкому кругу читателей в России, поскольку многие из них давно или никогда не переиздавались, 90-томное полное собрание сочинений стало библиографической редкостью⁷, а новое 100-томное издание весьма далеко до завершения.

Не меньшее количество споров вызывает интерпретация мировоззрения Толстого в терминах преемственности и/или разрыва между его художественным и религиозно-философским творчеством и сущностью его духовного кризиса. Попытки понять этот процесс, происходивший буквально на глазах современников Толстого в России и в мире, с самого начала породили взаимоисключающие мнения. С одной стороны, С. Л. Франк, как и многие другие, писал о том, что Толстой, как и прочие «дважды рожденные» натуры, пережил отречение от старого и духовный переворот⁸. С другой стороны, Г. В. Флоровский сомневался в подлинности такого перелома в жизни Толстого

⁴ Седакова О. А. Весть Льва Толстого // Лев Николаевич Толстой. М., 2014. С. 37. О том, что как мыслитель Толстой еще не открыт, также пишет А. А. Гусейнов (Гусейнов А. А. Философское наследие Л. Н. Толстого : [интервью Предрага Чичовачки] // Филос. журн. 2018. Т. 11. № 2. С. 19).

⁵ См.: Плеханов Г. В. Отсюда и досюда // Плеханов Г. В. Избр. филос. пр. : в 5 т. М., 1958. Т. 5. См. также: Nickell W. Tolstoi in 1928: In the Mirror of the Revolution // Epic Revisionism: Russian History and Literature as Stalinist Propaganda. Univ. of Wisconsin Press, 2006 ; Anniversary Essays on Tolstoy. Cambridge, 2010.

⁶ См.: Ореханов Г., свящ. Русская Православная Церковь и Л. Н. Толстой: конфликт глазами современников. М., 2010.

⁷ Положение дел радикально изменилось с момента появления электронной версии 90-томного полного собрания сочинений Л. Н. Толстого. URL: <http://tolstoy.ru/creativity/90-volume-collection-of-the-works/> (дата обращения: 27.07.2020).

⁸ См.: Франк С. Л. Памяти Льва Толстого // Л. Н. Толстой. Pro et contra. С. 547.

и утверждал: «Не было рождения “нового человека”. Не было мистического откровения, встречи, прорыва. И не было перемены во взглядах»⁹. В то же время Н. О. Лосский высказывался на эту тему совершенно в ином смысле: «Хотя внешняя история его жизни и творчества делится на два, на первый взгляд, резко различных периода, внутренняя жизнь его не содержала в себе разрыва или исторического распада, а составляла органическое единое целое»¹⁰. Сегодня эту последнюю позицию поддерживает А. А. Гусейнов: «Первый... период творчества и жизни Толстого был необходимым для второго... периода, он был необходимым хотя бы в том отношении, что второй период, сам духовный переворот, мог наступить только в результате отрицания первого и без него был бы невозможен»¹¹.

Еще при жизни Толстого американский психолог Уильям Джеймс в своем классическом труде «Многообразие религиозного опыта» (1902) положил начало традиции анализа его душевного кризиса в качестве типичного примера постепенного религиозного обращения, которое в конце концов приводит к обретению веры и к радикальному изменению отношения к миру¹². В свою очередь, английский философ Исайя Берлин — автор, которого без преувеличения можно назвать первооткрывателем Толстого как мыслителя для Запада, подобно тому, как Колумб открыл Америку¹³, — с меньшим энтузиазмом относился к противопоставлению художественного и религиозно-философского творчества Толстого и, соответственно, к значимости «обращения», приписав Толстому в большей степени психологическую, чем мировоззренческую двойственность. Тем не менее, в своих знаменитых эссе «Еж и лиса» (1953) и «Толстой и Просвещение» (1960–1961)¹⁴ Берлин продемонстрировал тесную связь между мировоззрением Толстого до и после обращения, поместив его в широкий интеллектуальный контекст Западной Европы XVIII–XIX в.

Для западных исследований Толстого последних десятилетий характерно появление новой волны интереса ко второму периоду его творчества

⁹ Флоровский Г. В. У истоков // Л. Н. Толстой. Pro et contra. С. 677. Кроме того, Флоровский считал обращение Толстого скроенным по меркам немецкого и англо-американского пиетизма (Л. Н. Толстой. Pro et contra. С. 679).

¹⁰ Лосский Н. О. Нравственная личность Толстого // Л. Н. Толстой. Pro et contra. С. 229.

¹¹ Гусейнов А. А. Философское наследие Л. Н. Толстого. С. 19.

¹² Подробнее о трактовке Толстого У. Джеймсом см.: Orwin D. What Men Live By: Belief and the Individual in Leo Tolstoy and William James // William James in Russian Culture. Lanham, 2003.

¹³ See: Steiner L. The Russian *Aufklärer*: Tolstoi in Search of Truth, Freedom, and Immortality // Slavic Rev. 2011. Vol. 70. № 4. P. 774.

¹⁴ См.: Берлин И. Еж и лиса // Берлин И. История свободы. Россия. М., 2001; Берлин И. Толстой и Просвещение // Берлин И. История свободы.

(1980–1910). Среди работ, которые в той или иной степени имеют отношение к рассматриваемой теме, стоит упомянуть следующие: во-первых, это ставшая классической книга американского русиста Ричарда Густафсона, в которой он отверг концепцию «двух Толстых» и постарался реконструировать художественное творчество и религиозную философию Толстого в их единстве и в свете его принадлежности к традиции восточной христианской патристики, для которой характерно понимание спасения как обожения (теозиса)¹⁵. Представление о преимущественном влиянии западной интеллектуальной традиции на мировоззрение Толстого обосновывала Донна Орвин, крупнейший специалист по его творчеству из Университета Торонто (Канада), в книге, посвященной идейному развитию Толстого с конца 1840-х до конца 1880-х гг. Стремясь интерпретировать Толстого исходя из его собственных убеждений, Орвин подробно проанализировала влияние, которое идеи Ж.-Ж. Руссо, И. Канта, А. Шопенгауэра и других мыслителей оказали на его мировоззрение и на художественные произведения в период, предшествовавший духовному перевороту¹⁶. Немецкий теолог Мартин Тамке отмечает, что сегодня лишь немногие исследователи, будь то богословы, философы или религиоведы, рассматривают Толстого как религиозного мыслителя, в то время как его идеи имеют важное значение для современности¹⁷.

Исследование разнообразных идейных влияний, как российских, так и западных, которые переплетались между собой и трансформировались в собственном мировоззрении Толстого на протяжении нескольких десятков лет, продолжила американский литературовед Инесса Меджибовская¹⁸, рассматривая этот процесс как долгую автобиографическую историю поисков себя, протекавшую в контексте дискуссий на религиозно-философские темы в России того времени¹⁹. Наконец, американский славист Ирина Паперно исследовала процесс самопознания у Толстого в том виде, как он отразился преимущественно в его нехудожественных произведениях: дневниках, трактатах, письмах, воспомина-

¹⁵ См.: *Gustafson R. F. Leo Tolstoy, Resident and Stranger: A Study in Fiction and Theology*. Princeton, 1986 (в русском переводе: *Густафсон Р. Ф. Обитатель и Чужак : Теология и художественное творчество Льва Толстого*. СПб., 2003).

¹⁶ См.: *Orwin D. Tolstoy's Art and Thought, 1847–1880*. Princeton, 1993 (в русском переводе: *Орвин Д. Искусство и мысль Толстого. 1847–1880*. СПб., 2006).

¹⁷ См.: *Тамке М. Религия Толстого : Духовная биография*. М., 2015.

¹⁸ См.: *Medzhibovskaya I. Tolstoy and the Religious Culture of His Time: A Biography of a Long Conversion, 1845–1887*. Lanham, 2009.

¹⁹ См.: *Poole R. A. "Russia's First Modern Man": Tolstoy, Kant, and Russian Religious Thought // Tolstoy Studies J. 2010. Vol. 22. P. 99–117.*

ниях и др.²⁰ Ее книга дополнила предыдущие исследования важными деталями, касающимися представления о времени у Толстого, методов описания им своего внутреннего состояния, поисков адекватной формы этого описания и т. д.²¹

Таким образом, можно констатировать, что в западной исследовательской литературе присутствуют тенденция отказа от схемы «двух Толстых» и стремление к анализу процесса формирования мировоззрения Толстого в контексте динамики внутренних и внешних факторов, которые постепенно приводили к изменениям в его мировоззрении и в оценке им своего собственного творчества. Американский исследователь Гэри Гамбург в статье в сборнике, посвященном 100-летней годовщине со дня смерти Толстого, пишет о том, что его обращение было одновременно «событием и процессом»: духовный поиск 1840–1870-х гг. привел к событию обращения в 1878–1879 гг., за которым последовал длительный процесс, продолжавшийся на протяжении всей жизни Толстого и заключающийся в осмыслении этого обращения и применении его последствий²².

Что касается отечественных исследований последнего времени, то здесь следует отметить книгу «Лев Николаевич Толстой» (под редакцией А. А. Гусейнова и Т. Г. Щедриной), в предисловии к которой сказано о непродуктивности осмысления его творчества в контексте устоявшихся философских и богословских интеллектуальных традиций, поскольку Толстой в них не вмещается²³. Важный вклад в новое прочтение Толстого как духовного реформатора внесли работы А. А. Гусейнова и М. Л. Гельфонд²⁴. Из последних исследований следует

²⁰ См.: *Paperno I.* “Who, What Am I?”: Tolstoy Struggles to Narrate the Self. Ithaca, 2014 (в русском переводе: *Паперно И.* «Кто, что я?»: Толстой в своих дневниках, письмах, воспоминаниях, трактатах. М., 2018).

²¹ Также следует упомянуть следующие исследования: *McLean H.* In Quest for Tolstoy. Brighton, 2008 ; *Kolsto P.* The Demonized Double: The Image of Lev Tolstoi in Russian Orthodox Polemics // *Slavic Rev.*, 2006. № 65. P. 304–324 ; *Kolsto P., Schmid U.* Fame, Sainthood and Iurodstvo: Patterns of Self-Presentation in Tolstoi’s Life Practice // *Slavic and East Europ. J.* 2013. Vol. 57. № 4. P. 525–543 ; *Scanlan J. P.* Tolstoy among the Philosophers: His Book on Life and Its Critical Reception // *Tolstoy Studies J.* 2006. № 18. P. 52–69 ; *Scanlan J.* Tolstoj as Analytic Thinker: His Philosophical Defense on Violence // *Studies in East Europ. Thought.* 2011. Vol. 63. № 1. P. 7–14 ; *Tolstoy and His Problems: Views from the Twenty-First Century* / ed. by I. Medzhibovskaya. Evanston, 2019.

²² См.: *Hamburg G. M.* Tolstoy’s Spirituality // *Anniversary Essays on Tolstoy.* Cambridge, 2010. P. 141–142.

²³ См.: Лев Николаевич Толстой. С. 5–6.

²⁴ См.: *Гусейнов А. А.* Разумная вера Л. Н. Толстого // *Сравнительная философия : Знание и вера в контексте диалога культур.* М., 2008 ; *Гельфонд М. Л.* Вера как стратегия жизни : (Размышления о природе веры Л. Н. Толстого) // *Этическая мысль.* М., 2009. Вып. 9 ; *Гельфонд М. Л.* Л. Н. Толстой как философ: Pro et contra // *Этическая мысль.* М., 2010. Вып. 10 ; *Гусейнов А. А.* Философское наследие Л. Н. Толстого.

выделить книгу А. Зорина «Жизнь Льва Толстого: опыт прочтения», в которой художественное и религиозно-философское творчество писателя рассматривается в единстве, что позволяет во многом снять проблему «двух Толстых» как нерелевантную²⁵.

Ниже будет рассмотрена вера Толстого в единстве двух ее сторон: во-первых, как *состояния* ее носителя, его внутреннего ощущения, которое было для него тождественным жизни как таковой; во-вторых, с точки зрения ее *содержания*, то есть того, что она включала в себя и какие вследствие этого жизненные принципы подразумевала. Как известно, именно описание процесса обретения веры в «Исповеди» явилось тем знаком, который символизировал появление Толстого как автора, представившего на суд читателей не прежних персонажей, являвшихся продуктом художественного вымысла, но самого себя в качестве главного героя. Толстой писал о своей вере в разных жанрах — в эссе, публицистических произведениях, в письмах, дневниках и записных книжках, — и постепенно его понимание, оставаясь верным первоначальному озарению, изменялось, уточнялось и углублялось. Как пишет А. А. Гусейнов, вера в понимании Толстого «является фундаментальной категорией человеческого существования»²⁶. М. А. Гельфонд, говоря о важности этой темы для Толстого, отмечает: «Не будет преувеличением утверждение о том, что все его философские и богословские сочинения в той или иной мере посвящены проблеме веры»²⁷.

Важно отметить, что Толстой одновременно и в одном и том же отношении испытывал веру и описывал ее как для самого себя, так и для внешней аудитории, то есть одновременно был как ее носителем, так и исследователем. Поэтому интерпретация веры Толстого как таковой, будучи одновременно и интерпретацией его понимания веры, имеет смысл только в том случае, если она учитывает те принципы, которые он сам для себя установил, а не исходит из какого бы то ни было внешнего понимания веры, тем более, что представление Толстого о вере, по сути дела, имеет немного аналогов в истории человеческой мысли²⁸. Очевидно, что обретение Толстым веры, как и другие знаменитые обращения — потерявшего зрение на дороге в Дамаск Павла Августина, в состоянии глубокой неудовлетворенности собой услышавшего детский голос, говоривший: «Возьми, читай!», Мартина Лютера, после многолетних поисков веры в один прекрас-

²⁵ См.: Зорин А. Жизнь Льва Толстого: опыт прочтения. М., 2020.

²⁶ Гусейнов А. А. Разумная вера Л. Н. Толстого. С. 288.

²⁷ Гельфонд М. А. Вера как стратегия жизни. С. 65.

²⁸ См.: Степанова Е. А. «Наш Христос — не Ваш Христос»: проблема индивидуальной интерпретации священного текста // Вопр. философии. 2017. № 4. С. 50–60.

ный момент новыми глазами прочитавшего давно знакомый стих из послания Павла, — повлекло за собой радикальную перемену всей его жизни²⁹. В труде «В чем моя вера?» Толстой писал об этом так:

Со мной случилось то, что случается с человеком, который вышел за делом и вдруг дорогой решил, что дело это ему совсем не нужно, — и повернул домой. И все, что было справа, — стало слева, и все, что было слева, — стало справа: прежнее желание — быть как можно дальше от дома — переменилось на желание быть как можно ближе от него³⁰.

Невозможно понять обращение Толстого, не доверяясь тому, как он сам его оценивал. В случае такого доверия проблема «двух Толстых» теряет всякий смысл: речь идет об одном и том же человеке, испытавшем глубокий внутренний переворот, который определил его мысли и действия на последующие 30 лет жизни.

«Сказать свою веру нельзя... Я все-таки скажу»³¹

Толстой очень много писал о вере, и, вероятно, самый правильный способ понять его заключается в том, чтобы по возможности давать высказаться ему самому. Одно из самых первых попыток его *profession de foi* содержится в письме А. А. Толстой в апреле-мае 1859 г., где Толстой упоминает о своей сентиментальной подростковой вере, которая затем разрушилась, но на ее место пришла «умственная экзальтация», уже тогда (в 1852–1853 гг.) приведшая к мыслям о бессмертии и любви. Он пишет: «Эти открытия удивили меня сходством с христианской религией, и я вместо того, чтобы открывать сам, стал искать их

²⁹ Впрочем, и сегодня И. Меджибовская, продолжая традицию некоторых критиков Толстого, упомянутых выше, высказывает сомнение по поводу его обращения: «Религиозное обращение в современную эпоху не является особенно хорошо понятым феноменом. Это процесс или результат, Божественное просветление или сознательное усилие? Возможность обретения лучшей участи раз и навсегда или извилистая узкая тропа, долгая дорога в Дамаск? Обращение св. Павла не может быть образцом для объяснения Толстого. У него не было опыта откровения, подобного опыту св. Павла, или “опыта в башне” [Turmerlebnis] Лютера, или ощущения Августином Божественного присутствия в римском саду» (*Medzhibovskaya I. Tolstoy and the Religious Culture of His Time. P. 9*). И далее: «Хотя Толстой публично признал свое обращение от атеизма к личной версии христианства около 1880 г., вопрос о том, произошло ли оно когда-нибудь, дискутируется до сих пор» (*Ibid. P. 9*).

³⁰ Толстой А. Н. В чем моя вера? // Толстой А. Н. Полн. собр. соч. : в 90 т. М., 1935–1958. Т. 23. С. 304 (далее — ПСС).

³¹ Толстой А. Н. Письмо А. А. Толстой, 2–3 февраля 1880 г. // ПСС. Т. 63. С. 8.

в Евангелии, но нашел мало»³². И здесь же Толстой формулирует свой важнейший «методологический» принцип: «Кроме того, жизнь у меня делает религию, а не религия — жизнь»³³. Это значит, что исходным и конечным пунктом на пути к вере был он сам³⁴. Как подчеркивает А. А. Гусейнов, Толстой «искал такие убеждения, которые соответствовали бы жизни, не абстракции жизни, а самой жизни, как она явлена в его собственном индивидуальном опыте»³⁵.

В поисках веры Толстой столкнулся с ощущением полной утраты смысла жизни и страха смерти, которое отчасти связано с эпизодами, подобными «арзамасскому ужасу», весьма сдержанно описанному им в письме С. А. Толстой: «Но вдруг на меня нашла тоска, страх, ужас такие, каких я никогда не испытывал... и никому не дай Бог испытать»³⁶. Более красочное (и более известное) описание, сделанное спустя много лет, содержится в «Записках сумасшедшего»:

«Да что это за глупость, — сказал я себе. — Чего я тоскую, чего боюсь». — «Меня, — неслышно отвечал голос смерти. — Я тут». — Мороз подрал меня по коже. Да, смерти. Она придет, она вот она, а ее не должно быть. Если бы мне предстояла действительно смерть, я не мог испытывать того, что испытывал, тогда бы я боялся. А теперь я не боялся, а видел, чувствовал, что смерть наступает, и вместе с тем чувствовал, что ее не должно быть... И это внутреннее раздирание было ужасно»³⁷.

Здесь важно то, что по словам самого Толстого, к новому религиозному сознанию его привело не столько рассудочное признание отсутствия смысла жизни или рациональный поиск его приемлемого объяснения³⁸, сколько «чувство всего существа. Разница — признать умом или быть приведенным к пропасти и ужаснуться, увидав ее»³⁹. Как писал Толстой, могут быть и другие, положи-

³² Толстой Л. Н. Письмо А. А. Толстой, апрель — конец мая 1859 г. // ПСС. Т. 60. С. 293.

³³ Там же. С. 294.

³⁴ Толстой писал об этом множество раз и в конце жизни выразил это так: «Главный и, в сущности, единственный вопрос человеческой жизни — только в том, как мне жить, т. е. что мне делать? Для того же, чтобы ответить на этот вопрос человеку, ему нужно узнать — кто он?» (Толстой Л. Н. Письмо П. П. Соколову. 1910. 11 апр. // ПСС. Т. 81. С. 222–223).

³⁵ Гусейнов А. А. Философское наследие Л. Н. Толстого : [интервью Предрага Чичовачки]. С. 6.

³⁶ Толстой Л. Н. Письмо С. А. Толстой. 1849. 4 сент. // ПСС. Т. 83. С. 167.

³⁷ Толстой Л. Н. Записки сумасшедшего // ПСС. Т. 26. С. 469–470. И. Меджибовская, оценивая это второе описание как чересчур «литературное», склонна считать сам эпизод плодом богатого художественного воображения Толстого (*Medzhibovskaya I. Tolstoy and the Religious Culture of His Time*. P. 137).

³⁸ «Разумное знание привело меня к признанию того, что жизнь бессмысленна» (Толстой Л. Н. Исповедь // ПСС. Т. 23. С. 35).

³⁹ Толстой Л. Н. Дневник. 1889. 24 окт. // ПСС. Т. 50. С. 161–162.

тельные пути для «более чутких и чистых натур»⁴⁰, в том числе откровение, но его случай — отрицательный путь, вытекающий не столько из любви к истине, сколько из сознания бесполезности и даже гибельности всех остальных путей.

На протяжении всей жизни Толстой внимательно изучал все то, что ранее было достигнуто человечеством, обращаясь к опыту других людей в форме научных теорий, философских учений и религиозных доктрин, и затем отказался от них, подробно описав этот процесс в религиозно-философских произведениях 1879–1884 гг. Он убедился в том, что ни научное знание, ни философские концепции по разным причинам не дают ответа на вопрос о смысле жизни. Что касается религии (христианства), то Толстой пришел к выводу о том, что в ее разнообразных церковных истолкованиях нет истины, потому что христиане почти с самого начала разделились между собой, и у каждой стороны появилась потребность «утверждать свою истинность, приписывая себе непогрешимость»⁴¹. Но для Толстого истина — если она действительно истина — должна была быть единой для всех. Соответственно, если каждая церковь считает свою истину единственной, то это значит, что ни одна из них истиной не обладает:

Очевидно, что церкви одной никогда не было и нет, что церквей не одна, не две, а тысячи две, и что все друг друга отрицают и только утверждают, что каждая истинная и единая... В самом деле, тысячи преданий, и каждое отрицает, проклинает одно другое и свое считает истинным: католики, лютеране, протестанты, кальвинисты, шекеры, мормоны, грекоправославные, староверы, поповцы, беспоповцы, молокане, менониты, баптисты, скопцы, духоборцы и пр., и пр., все одинаково утверждают про свою веру, что она единая истинная и что в ней одной Дух Святой, что глава в ней Христос и что все другие заблуждаются. Вер тысяча, и каждая спокойно считает себя одну святою⁴².

В конце концов Толстой убедился в том, что достоверно существует только собственное «я». В 1875 г. он писал:

Не знаю, в какой степени точно выражение Декарта: я мыслю, потому я живу; но знаю, что если я скажу: я знаю *прежде всего себя: то, что я живу*, — то это не может быть не точно. Первое знание есть сознание своего объединения от всего остального мира. Это объединение мы называем жизнью⁴³.

⁴⁰ Толстой Л. Н. Дневник. 1889. 24 окт. // ПСС. Т. 50. С. 161–162.

⁴¹ Толстой Л. Н. Царство Божие внутри нас // ПСС. Т. 28. С. 46.

⁴² Толстой Л. Н. Соединение и перевод четырех Евангелий // ПСС. Т. 24. С. 10–11.

⁴³ Толстой Л. Н. О душе и жизни ее вне известной и понятной нам жизни // ПСС. Т. 17. С. 351.

Это было «я» страдающее, лишенное доступа к смыслу жизни, поскольку все понятия, которые имеют к этому отношение, — о Боге, свободе, добре, — подвергнутые Толстым логическому исследованию, не выдержали критики разума⁴⁴. Отказавшись от всех ранее достигнутых человечеством вариантов ответа на вопрос о смысле жизни, Толстой оказывается наедине с самим собой и заявляет: «Я, откинув всю эту работу всего человечества, хочу все сам один сделать по-новому и по-своему»⁴⁵. Однако оставался последний, предельный вопрос: «Есть ли в моей жизни такой смысл, который не уничтожался бы неизбежно предстоящей мне смертью?»⁴⁶ Предельный ответ на него, который дает Толстой, заключается в следующем: вера — это «знание смысла человеческой жизни, вследствие которого человек не уничтожает себя, а живет»⁴⁷. Этот смысл не может заключаться в каком-либо учении, предлагаемом наукой, философией или религией, поскольку в этом случае он является не чем иным, как «призрачностью конечного»⁴⁸. Смысл же, который не уничтожается ничем, поскольку он выходит за пределы всего, может быть только смыслом бесконечного: «Всякий ответ веры конечному существованию человека придает смысл бесконечного — смысл, не уничтожаемый страданиями, лишениями и смертью»⁴⁹.

Таким образом, вера, без которой, согласно Толстому, жизнь невозможна, не есть надежда на осуществление ожидаемого и доверие к свидетельству истины, но она есть «внутренняя неизбежность убеждения, которая становится основой жизни»⁵⁰, «душевное состояние»⁵¹, являющееся ощущением бесконечного. Такая вера никогда не бывает неразумной, несогласной с существующими знаниями, она не содержит в себе ничего, противного разуму, а, наоборот, разъясняет все, что без нее представляется неразумным и противоречивым⁵². Здесь

⁴⁴ См.: Толстой Л. Н. Исповедь // ПСС. Т. 23. С. 36.

⁴⁵ Толстой Л. Н. Исповедь // ПСС. Т. 23. С. 37.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же. С. 35.

⁴⁸ «Я спрашивал: какое вневременное, внепричинное, внепространственное значение моей жизни? — А отвечал я на вопрос: какое временное, причинное и пространственное значение моей жизни? Вышло то, что после долгого труда мысли я ответил: никакого» (Толстой Л. Н. ПСС. Т. 23. С. 33–34).

⁴⁹ Там же. С. 35.

⁵⁰ Толстой Л. Н. Соединение и перевод четырех Евангелий // ПСС. Т. 24. С. 795.

⁵¹ Толстой Л. Н. Что такое религия и в чем сущность ее? // ПСС. Т. 35. С. 170.

⁵² См.: там же. С. 171–172. Подробнее о соотношении веры и разума у Толстого см.: Гельфонд М. А. Вера как стратегия жизни : (Размышления о природе веры Л. Н. Толстого). См. также указание на сложность перевода толстовского термина «разумение» на английский язык у И. Меджибовской, которая разъясняет, что этот термин включает в себя сознание, способность и воление (Medzhibovskaya I. Tolstoy and the Religious Culture of His Time. P. 201).

не место углубляться в интерпретацию понятия «разум» у Толстого, поскольку это отдельная большая тема, о которой писали многие авторы. Однако следует заметить, что обвинения Толстого в рационализме⁵³ не имеют под собой оснований, поскольку Толстой вообще не придерживался традиционной дихотомии разума и чувств и рационального и иррационального; для него разум являлся единственным и естественным способом восприятия жизни, данным Богом человеку. Разуму нельзя не верить, потому что он дан человеку Богом и происходит из той самой бесконечности, которая делает веру возможной. Толстой пишет:

Человек пришел в мир не по своей воле, а потому и должен жить не по своей воле, а по воле Того, Кто его послал в мир. Для того же, чтобы человек знал то, чего от него хочет Тот, Кто его послал в мир, Он вложил в него разум, посредством которого человек всегда, если он точно хочет этого, может знать волю Бога, т. е. то, чего хочет от него Тот, Кто послал его в мир... Разум старше и достовернее всех писаний и преданий; он был уже тогда, когда не было никаких преданий и писаний, и он дан каждому из нас прямо от Бога⁵⁴.

Итак, вера есть осознанное человеком отношение к бесконечному, жизнь в перспективе бесконечности. Самым близким к пониманию Толстым веры можно считать определение религии Ф. Шлейермахером как «чувства и вкуса к бесконечному»⁵⁵; не случайно Толстой относил Шлейермахера к людям, не лишенным «способности высшего, т. е. религиозного сознания, отличающего

⁵³ Вот, например, мнение Ф. А. Степуна: «Придя к вере окольными путями критических сомнений в правде и принудительности своих рассуждений, Толстой, однако, сразу же принялся, не без большого эмоционального вдохновения, рационализировать только что найденную им веру» (Степун Ф. А. Религиозная трагедия Льва Толстого // Л. Н. Толстой. Pro et contra. С. 449). См. также: «Толстой держится за наивный, естественный рационализм. Он всегда апеллирует к разуму, к рассудочному началу, а не к воле, не к свободе» (Бердяев Н. Ветхий и Новый Завет в религиозном сознании Л. Толстого // Л. Н. Толстой. Pro et contra. С. 252).

⁵⁴ Толстой Л. Н. Письмо В. К. Заволокину. 1900. 17 дек. // ПСС. Т. 72. С. 527, 529.

⁵⁵ «Религиозное размышление есть лишь непосредственное сознание, что все конечное существует лишь в бесконечном и через него, все временное — в вечном и через него... [религия. — Е. С.] не есть знание и познание — ни мира, ни Бога; такое знание она лишь признает, не отождествляя себя с ним; оно есть для нее также движение и откровение бесконечного в конечном, которое, подобно всему остальному, она видит в Боге и в котором она видит Бога» (Шлейермахер Ф. Речи о религии к образованным людям ее презиравшим. Монологи. М. ; Киев, 1994. С. 80). Ср. с определением Толстого: «Истинная религия есть такое согласное с разумом и знаниями человека установленное им отношение к окружающей его бесконечной жизни, которое связывает его жизнь с этой бесконечностью и руководит его поступками» (Толстой Л. Н. Что такое религия и в чем сущность ее // ПСС. Т. 35. С. 163).

человека от животного»⁵⁶. Фундаментальным качеством такой веры является ее универсальность, поскольку бесконечное, присутствие которого человек посредством веры ощущает в своей душе и частью которого является, едино для всех.

Такое открытие веры в себе, безусловно, не может не приводить к полному пересмотру всех ценностей и приоритетов, который Толстой считает подлинным покаянием, заключающимся в том, чтобы

...изменить совершенно оценку своего положения и своей деятельности: вместо полезности и серьезности своей деятельности признать ее вред и пустяшность, вместо своего образования признать свое невежество, вместо своей доброты и нравственности признать свою безнравственность и жестокость, вместо своей высоты признать свою низость⁵⁷.

Наконец, вера как ощущение бесконечного в человеке есть способ обнаружения Бога. Толстой неоднократно подчеркивал, что сначала надо обрести веру, а потом Бога, но не наоборот⁵⁸. Обретение Бога начинается с чувства сиротства и одиночества⁵⁹, потери веры в себя и надежды на чью-то помощь, но пока Бог остается внешним объектом, на который направлена вера, Он на самом деле только все больше удаляется от человека. В конечном счете, пишет Толстой, Бога можно познать только в своей душе, но лишь в той мере, в какой Он открывается человеку⁶⁰, а вместе с Богом найти и самого себя. Этот поиск не имеет завершения, самое главное в нем — постоянное движение, утраты и обретения, и в то же время парадоксальное тождество процесса и результата⁶¹, происходящее здесь и сейчас, поскольку «наибольшее сближение с Богом — это наибольшее сосредоточение в настоящем. И наоборот»⁶².

⁵⁶ Толстой Л. Н. Что такое религия и в чем сущность ее // ПСС. Т. 35. С. 161.

⁵⁷ Толстой Л. Н. Так что же нам делать // ПСС. Т. 25. С. 378.

⁵⁸ «Надо определить веру, а потом Бога, а не через Бога определять веру» (Толстой Л. Н. Исповедь // ПСС. Т. 23. С. 35).

⁵⁹ См.: Там же. С. 43.

⁶⁰ См.: Толстой Л. Н. Единая заповедь // ПСС. Т. 38. С. 104. В работе «Путь жизни» Толстой пишет: «Познать Бога можно только в себе. Пока не найдешь Его в себе, не найдешь Его нигде» (Толстой Л. Н. ПСС. Т. 45. С. 60). И дальше: «Чувствовать Бога в себе можно и нетрудно. Познать же бога, что Он такое, — невозможно и не нужно» (Там же. С. 68).

⁶¹ «Моисей говорил Богу: “Где я найду Тебя, Господи?” Бог ответил: “Ты уже нашел Меня, когда ищешь Меня”» (Толстой Л. Н. На каждый день (1906–1910). Часть вторая. 3 сентября // ПСС. Т. 44. С. 136.

⁶² Толстой Л. Н. Дневник и записные книжки 1890 г. // ПСС. Т. 51. С. 46.

К этому познанному и непознаваемому, близкому и недостижимому Богу Толстой стремился на протяжении всей своей жизни:

Что такое Бог? Зачем Бог? Бог — это неограниченное все то, что я знаю в себе ограниченным: я тело ограниченное, Б[ог] — тело бесконечное; я существо, жившее 63 года, Б[ог] — существо, живущее вечно; я существо, мыслящее в пределах моего понимания, Б[ог] — существо, мыслящее беспредельно; я существо, любящее иногда немного, Б[ог] — существо, любящее всегда бесконечно; я часть, Он все. Я себя не могу понять иначе, как частью Его⁶³.

И об этом же были последние слова Толстого за несколько дней до смерти:

Бог есть то неограниченное Все, чего человек сознает себя ограниченной частью. Истинно существует только Бог. Человек есть проявление Его в веществе, времени и пространстве⁶⁴.

Обретенное в вере «я» оказывается частью бесконечности, которая едина с Богом в той мере, в какой человек ощущает Бога в своей душе.

«Простое, ясное, понятное и нужное людям христианство»⁶⁵

На протяжении 30 лет жизни (1880–1910) Толстой множество раз в самых разных жанрах и формах — от художественных произведений до записей в «Дневнике для себя» — неустанно делился своим пониманием христианства с самыми разными людьми — с друзьями и врагами, со сторонниками и противниками, — будучи глубоко убежденным в том, что в Евангелиях содержится одинаково важный для всех людей смысл:

Я не знал света, думал, что нет истины в жизни... я стал искать источник его и нашел его в Евангелиях... И, дойдя до этого источника света, я был ослеплен им и получил полные ответы на вопросы о смысле моей жизни и жизни других людей, ответы, вполне сходящиеся со всеми мне известными ответами других народов и, на мой взгляд, превосходящие все⁶⁶.

⁶³ Толстой Л. Н. Дневники 1891–1894. 1891. 12 авг. // ПСС. Т. 52. С. 48–49.

⁶⁴ Толстой Л. Н. Дневник для себя. 1910. 31 окт. // ПСС. Т. 58. С. 143.

⁶⁵ Толстой Л. Н. Письмо Н. Н. Ге (отцу) и Н. Н. Ге (сыну). 1889. 23 июня // ПСС. Т. 64. С. 274.

⁶⁶ Толстой Л. Н. Краткое изложение Евангелия // ПСС. Т. 24. С. 807.

Произведения Толстого, в которых излагалось его понимание христианства, несмотря на цензурные запреты, были хорошо известны еще при его жизни, и по их поводу высказывались и продолжают высказываться множество людей, придерживающихся самых разных, часто противоположных взглядов. Среди наиболее суровых критиков Толстого стоит упомянуть Н. А. Бердяева, который считал, что «мироощущение и мирознание Льва Толстого вполне внехристианское и дохристианское во все периоды его жизни»⁶⁷. Ф. А. Степун писал: «Для людей христианского сознания непосредственно ясно, что между учением Толстого о Христе и христианством, кроме общих этических положений, свойственных и другим как религиозным, так и философским системам, нет ничего общего»⁶⁸. 15 июня 1881 г. обер-прокурор Священного синода К. П. Победоносцев в послании к Толстому по поводу его просьбы о прощении убийц императора Александра II писал: «Прочитав письмо Ваше, я увидел, что Ваша вера одна, а моя и церковная другая, и что наш Христос — не Ваш Христос»⁶⁹.

Действительно, Толстой, излагая свое понимание христианства, постоянно подчеркивал, что он ищет в новозаветных текстах только то, что понятно ему самому⁷⁰, то есть исходил из своего внутреннего права принять или отвергнуть любые части этих текстов. Но именно это обстоятельство вызывало самые большие нарекания со стороны его критиков, в том числе и вполне доброжелательных. Так, В. В. Зеньковский называл Толстого жертвой «соблазна индивидуализма»⁷¹ человеком, который «никогда не интересовался Евангелием объективно»⁷², в своей «религиозной системе опирался исключительно на собственный религиозный опыт, а из Евангелия брал то, что соответствовало этому опыту»⁷³.

Что же для Толстого было в Евангелии самым важным? Искал он, по его собственному признанию, единую истину, какой должна быть вера. Для этого, как он считал, надо изучать «только одно учение Христа, как оно дошло до нас, т. е. те слова и действия, которые приписываются Христу»⁷⁴. Именно в этом, по словам А. Швейцера, заключается «величие Толстого: в то время как всякое богословие упраздняет слова Божьи тем, что вкладывает в них свои мысли, он

⁶⁷ Бердяев Н. Ветхий и Новый Завет в религиозном сознании Л. Толстого // Л. Н. Толстой. Pro et contra. С. 247.

⁶⁸ Степун Ф. А. Религиозная трагедия Льва Толстого // Л. Н. Толстой. Pro et contra. С. 452.

⁶⁹ Письмо К. П. Победоносцева Толстому. Цит. по: Толстой Л. Н. ПСС. Т. 63. С. 59.

⁷⁰ См.: Л. Н. Толстой. Соединение и перевод четырех Евангелий // ПСС. Т. 24. С. 18.

⁷¹ Зеньковский В. В. Проблема бессмертия у Л. Н. Толстого // Л. Н. Толстой. Pro et contra. С. 527.

⁷² Там же. С. 525.

⁷³ Там же. С. 507.

⁷⁴ Толстой Л. Н. Краткое изложение Евангелия // ПСС. Т. 24. С. 814.

отважился вслушаться в те слова, какими они были исконно, и осознал, сколь мощная сила проповеди заключалась в них»⁷⁵.

Единая истина христианства заключается в заповеди непротивления злу насилием, которую, как Толстой был уверен, ему пришлось открывать как нечто новое «после 1800 лет исповедания Христова закона миллиардами людей, после тысяч людей, посвятивших свою жизнь на изучение этого закона»⁷⁶. О непротивлении в интерпретации Толстого написано бесчисленное количество работ, как восторженных, так и критических. Здесь важно еще раз обратить внимание на то, как именно Толстой описывает свое открытие ненасилия как главного содержания христианства:

Это не было методическое исследование богословия и текстов Евангелий — это было мгновенное устранение всего того, что скрывало смысл учения, и мгновенное озарение светом истины. Это было событие, подобное тому, которое случилось бы с человеком, тщетно отыскивающим по ложному рисунку значение кучи мелких перемешанных кусков мрамора, когда бы вдруг по одному наибольшему куску он догадался, что это совсем другая статуя; и, начав восстанавливать новую, вместо прежней бессвязности кусков, на каждом обломке, всеми изгибами излома сходящимися с другими и составляющими одно целое, увидал бы подтверждение своей мысли⁷⁷.

Когда он пишет о том, что 39-й стих из 5-й главы Евангелия от Матфея стал для него ключом ко всему учению Христа, то подчеркивает то, что для него явилось самым важным: «Я вдруг в первый раз понял этот стих прямо и просто. Я понял, что Христос говорит то самое, что говорит»⁷⁸. Это и есть та точка, в которой происходит обращение Толстого, после которого все прежние представления перестают иметь значение, и происходит духовный переворот:

И стоило мне понять эти слова просто и прямо, как они сказаны, и тотчас же во всем учении Христа, не только в Нагорной проповеди, но во всех Евангелиях, все, что было запутано, стало понятно, что было противоречиво, стало согласно; и главное, что казалось излишне, стало необходимо. Все слилось в одно целое и несомненно подтверждало одно другое⁷⁹.

⁷⁵ Цит по: Танке М. Религия Толстого: духовная биография. С. 146.

⁷⁶ Толстой Л. Н. В чем моя вера? // ПСС. Т. 23. С. 335.

⁷⁷ Там же. С. 306.

⁷⁸ Там же. С. 310.

⁷⁹ Там же. С. 311–312.

Ненасилие тождественно любви, а любовь — это и есть Бог и то единственное, что человек может знать о Боге:

Вера в заповедь любви в том, что Бога мы можем познавать только в себе. И познаем мы Его только той стороной, которой Он открывается нам. Открывается же Он нам любовью. Так что хотя и знаем мы Его далеко неполно, только одной стороной Его, той, которой Он открывается нам, мы несомненно знаем об Его существовании, и о том свойстве Его, которое мы сознаем в себе, и о том, чего Он хочет от нас⁸⁰.

Вера Богу, живущему в душе человека и через учение Христа указывающему человеку на то, как он должен жить по воле Бога, есть единственное условие исполнения заповеди ненасилия⁸¹. Для исполнения этой заповеди, уверен Толстой, не требуется сверхъестественная помощь, она вполне по силам человеку, являясь ясным, определенным, важным и исполнимым правилом. Как пишет А. А. Гусейнов, «нет никакого иного способа преодоления насилия, кроме отказа совершать его, и ничто не может помешать человеку, осознавшему эту истину, следовать ей, если он решил сделать это»⁸². Непротивление означает неделание различия между собой и всеми другими людьми, к какой бы вере, расе, народности и т. д. они не относились⁸³. Непротивление означает исполнение воли Бога:

Если мы будем держаться только того, что согласно с разумом каждого человека, а именно то, что пришли мы в этот мир не по своей воле и не по своей воле уйдем из него, а по чьей-то высшей воле, и что поэтому и жить нам надо в этом мире по той воле, которая привела нас в мир и выведет из него. Воля же эта, как нам говорит разум, в том, чтобы мы любили друг друга и поступали с другими так, как хотим, чтобы другие поступали с нами⁸⁴.

Для Толстого вера есть «сознание человеком такого своего положения в мире, которое обязывает его к известным поступкам»⁸⁵. Тожество веры и дел вытекало из самой сути заповеди непротивления, в которой выражен весь смысл учения Христа, поскольку непротивление подразумевало именно

⁸⁰ Толстой Л. Н. Единая заповедь // ПСС. Т. 38. С. 106.

⁸¹ См.: Там же. С. 115.

⁸² Гусейнов А. А. Философское наследие Л. Н. Толстого. С. 12.

⁸³ См.: Толстой Л. Н. В чем моя вера? // ПСС. Т. 23. С. 365.

⁸⁴ Толстой Л. Н. Письмо А. В. Власову. 1900. 18 февр. // ПСС. Т. 72. С. 318–319.

⁸⁵ Толстой Л. Н. Что такое религия и в чем сущность ее? // ПСС. Т. 35. С. 170.

действие: замену зла и насилия добром и согласием. Но такое действие возможно, во-первых, только благодаря вере, которая есть единственная причина добрых дел, а добрые дела, в свою очередь, являются неизбежными следствиями веры. Поэтому «нельзя спрашивать, что важнее: вера или добрые дела? Это все равно, что спрашивать: что важнее — солнце или свет его?»⁸⁶ Как пишет об этом А. А. Гусейнов, «вера совпадает с тем, что делает человек. Она развернута в его поступках, представляет собой некую нить, на которую нанизаны его поступки»⁸⁷.

Во-вторых, это действие является естественным, вытекающим из любви, ставшей силой жизни, которая указывает человеку, что и как он должен делать:

Верит человек в необходимость насилия, религиозно верит, и такой человек будет совершать насилия не во имя благих последствий, которых он ожидает от насилия, а только потому что верит. Если же верит человек в закон любви, то он точно так же будет исполнять требования любви и воздерживаться от поступков, противных закону любви, независимо от каких бы то ни было соображений о последствиях, а только потому что верит и оттого не может поступить иначе⁸⁸.

Толстой постоянно повторял, что христианское учение «есть ясное, глубокое и простое учение жизни, отвечающее высшим потребностям души человека»⁸⁹. Эта простота определялась тем, что истина христианства, понимаемая как любовь к Богу и к ближнему, есть положение, которое не требует никаких дополнительных разъяснений: «оно одно, потому что оно все»⁹⁰.

⁸⁶ Толстой Л. Н. Исследование догматического богословия // ПСС. Т. 23. С. 244.

⁸⁷ Гусейнов А. А. Философское наследие Л. Н. Толстого. С. 11.

⁸⁸ Толстой Л. Н. Неизбежный переворот // ПСС. Т. 38. С. 94–95.

⁸⁹ Толстой Л. Н. Соединение и перевод четырех Евангелий // ПСС. Т. 24. С. 7.

⁹⁰ Толстой Л. Н. Трудолюбие, или торжество земледельца (предисловие к произведению Т. М. Бондарева) // ПСС. Т. 25. С. 470. Следует отметить, что «простота» Толстого была результатом глубокого знания современных ему критических исследований Нового Завета, прежде всего трудов представителей Тюбингенской евангелической школы, основанной на применении исторического подхода к Библии — Ф. Баура, Д. Штрауса, Э. Ренана, Э. Рейса и др., которых он читал в оригинале. Толстой, подчеркивая тот факт, что в России столетняя европейская традиция библейской критики была мало известна из-за цензурных ограничений, в то же время был уверен в том, что изучать христианство без учета научных достижений — «все равно, что в прошлом столетии было говорить о солнце, вертящемся вокруг земли» (Толстой Л. Н. Краткое изложение Евангелия // ПСС. Т. 24. С. 805). Кроме того, в своих исследованиях Евангелия Толстой использовал труды разнообразных авторов: англиканского теолога Ф. Фаррара, православного богослова Василия Гречулевича, немецкого исследователя Библии К. фон Тишендорфа и др. В целом Толстой оценивал достижения ученых-библеистов весьма критически, называя их «людьми мнимой науки» (Толстой Л. Н. Соединение

В христианстве нет никакой мистики, ничего таинственного и непонятного. Для того, чтобы верить в Бога как в любовь, «людям нужно только верить в то, что действительно есть ... в то, во что нельзя не верить»⁹¹. И менее всего для такой веры нужна вера в воскресение Христа как в чудо, что, по мысли Толстого, «прямо противно учению Христа»⁹². Другими словами, «воскресение» Христа для Толстого имеет смысл только как осуществление Его учения, и поэтому каждый, кто принимает это учение, тем самым воскрешает в себе Христа. Христос жив, пока живы те, для кого Его учение есть истина жизни.

**«Живу только тем, что надеюсь сделать это —
передать свою веру другим»⁹³**

В свое время Андрей Белый заметил: «Современная культура определяла единую правду Толстого в терминах многообразных методологических прав. И с точки зрения этих прав она ставила Толстому каждое лыко в строку»⁹⁴. Есть множество свидетельств того изумления и негодования по поводу взглядов Толстого после его обращения как у близких к нему, так и у далеких от него людей. А.А. Толстая, близкий друг и в то же время противник религиозных взглядов Толстого, дала ему такую характеристику: «Он искал Бога, но без смирения, и нашел только себя, то есть какой-то новый, уродливый кодекс, им выдуманный, и которым он дорожит и гордится именно потому, что он выработал его сам»⁹⁵. Отец Иоанн Кронштадтский, непримиримый противник Толстого, писал о нем так: «Я, и никто, кроме меня, — мечтает Толстой. — Вы все заблуждаетесь; я открыл истину и учу всех людей истине!»⁹⁶ М.А. Новоселов, сначала последователь, а затем суровый критик, обращаясь к Толстому, выдвигал против него следующее обвинение: «Ваш Бог есть только Ваша идея, которую Вы облюбо-

и перевод четырех Евангелий // ПСС. Т. 24. С. 403). В письме М.А. Новоселову в октябре 1886 г. Толстой писал о библейской критике: «Тот, кто в Евангелии не сумеет отделить сердцем основного, тот никаким изучением критики не узнает этого. А кто умеет отличать, тому не нужно» (ПСС. Т. 63. С. 390–391).

⁹¹ Толстой Л. Н. Единая заповедь // ПСС. Т. 38. С. 110.

⁹² Толстой Л. Н. Соединение и перевод четырех Евангелий // ПСС. Т. 24. С. 792.

⁹³ Толстой Л. Н. Письмо В. Г. Черткову, 24 июля 1884 г. // ПСС. Т. 85. С. 76.

⁹⁴ Андрей Белый. Лев Толстой и культура // Л. Н. Толстой. Pro et contra. С. 594.

⁹⁵ Толстая А. А. Письмо С. А. Толстой. 1882. 19 июля // Л. Н. Толстой и А. А. Толстая : Переписка 1857–1903. М., 2011. С. 533.

⁹⁶ О. Иоанн Кронштадтский. Ответ на обращение гр. Л. Н. Толстого к духовенству // Л. Н. Толстой. Pro et contra. С. 367.

вали и облюбовываете, перевертывая ее со стороны на сторону в течение двух десятилетий. Вы никак не можете выйти из заколдованного круга собственного “я”»⁹⁷. Среди множества инвектив, высказанных в адрес Толстого в связи с его представлениями о вере и религии, эти упреки в индивидуализме, занимающие важное место, теперь следует рассмотреть в более широком контексте проблемы трансляции чьих-либо убеждений и возможности (и/или ограниченности) понимания этих убеждений другими людьми.

Выше уже говорилось о том, что Толстой пришел к своему пониманию веры после того, как удостоверился в бесполезности следовать чьим бы то ни было путем. Безусловно, он прекрасно знал о том, какие бурные чувства вызывали его взгляды, и не мог оставаться к ним равнодушным:

Весь смысл моих писаний тот, что я высказываю *свою*, свою личную веру... Я часто удивляюсь раздражению, к[оторое] вызывает мое исповедание веры... Друзья мои, семейные даже, отворачиваются от меня. Одни — либералы и эстетика — считают меня сумасшедшим или слабоумным вроде Гоголя; другие — революционеры, радикалы — считают меня мистиком, болтуном; правительственные люди считают меня зловредным революционером; православные считают меня дьяволом. — Признаюсь, что это тяжело мне⁹⁸.

Тем не менее, как справедливо подчеркивает А. А. Гусейнов, Толстой «ни в коем случае не мог бы согласиться с тем, что его суждения имеют статус мнения, являются одной из точек зрения»⁹⁹. А. Зорин, размышляя об особенностях толстовского мышления, которые были свойственны ему с юных лет, пишет: «По его мнению, внимательный и беспристрастный анализ собственной души может служить ключом к пониманию человека, поскольку каждая отдельная личность представляет собой лишь малую частицу единого целого»¹⁰⁰. Толстой был совершенно убежден в том, что его личный путь в вере при всей своей уникальности был в то же время универсальным. Он писал об этом так:

Я так твердо уверен в том, что то, что для меня истина, есть истина всех людей, что вопрос о том, когда какие люди придут к этой истине, мне неинтересен¹⁰¹.

⁹⁷ Новоселов М. А. Открытое письмо графу Л. Н. Толстому от бывшего единомышленника по поводу ответа на постановление Святейшего Синода (1901) // Л. Н. Толстой. Pro et contra. С. 381.

⁹⁸ Толстой Л. Н. Письмо А. А. Толстой. 1884 // ПСС. Т. 63. С. 201.

⁹⁹ Гусейнов А. А. Философское наследие Л. Н. Толстого. С. 10.

¹⁰⁰ Зорин А. Жизнь Льва Толстого: опыт прочтения. С. 19.

¹⁰¹ Толстой Л. Н. Письмо В. Г. Черткову. 1884. 19 мая // ПСС. Т. 85. С. 60.

Эта уверенность в универсальном смысле веры в жизни людей постоянно укреплялась и расширялась до масштабов всего человечества по мере того, как Толстой убеждался в том, что в своем толковании Евангелия как ответа на вопрос о смысле жизни он был не одинок, поскольку «этот самый ответ на вопрос жизни более или менее ясно высказывали все лучшие люди человечества и до, и после Евангелия»¹⁰².

Кроме того, в силу тождества веры и дел Толстой с момента обретения веры воспринимал свою деятельность как миссию, считая для себя невозможным не высказываться о вере публично из опасения быть неверно понятым и вступить в конфликт с «царствующей верой»¹⁰³. Поскольку каждый человек, следующий Христу как посланнику истины, тоже должен быть посланником¹⁰⁴, постольку, подобно летящему камню, человек должен стремиться к цели и радоваться тому, «что он летит, и знает, что сам он ничто — камень, а все его значение — в этом полете»¹⁰⁵. Эта посланническая миссия была основана на уверенности в сущностном единстве всех людей, вследствие чего увеличение веры одного человека оказывается условием увеличения ее у всех людей¹⁰⁶.

Но у этого ощущения миссии, родившейся из внутренней свободы и права на высказывание своей личной веры, была и другая сторона — сомнения в собственной искренности, потребность в обретении единомышленников, разочарование в своих надеждах и чувство бесконечного одиночества. Н. О. Лосский писал о Толстом: «Свободолюбие есть органическое свойство его души, столь глубокое, столь основное, что оно входит как элемент во все его интересы и во все даваемые им решения проблем. В условиях человеческой жизни, бесконечно малой части бесконечно большого мира, осуществление свободы принадлежит к числу труднейших задач, поэтому тот, кто остро чувствует потребность свободы, ежеминутно испытывает страдания от столкновений с миром»¹⁰⁷.

Толстой с самого начала стремился удостовериться в подлинности мотивов, подвигавших его к публичному высказыванию своих убеждений, опасаясь тщеславия, гордости и самообмана¹⁰⁸. Он прекрасно осознавал опасность смешения двух мотивов — деятельности для Бога и для мирской славы, поскольку очень сложно провести границу между ними: «Иногда бывает, что думаешь, что ве-

¹⁰² Толстой Л. Н. Христианское учение // ПСС. Т. 39. С. 119.

¹⁰³ Толстой Л. Н. Письмо А. А. Толстой. 1884 // ПСС. Т. 63. С. 200.

¹⁰⁴ См.: Толстой Л. Н. Письмо В. Г. Черткову. 1885. 30 янв. — 3 февр. // ПСС. Т. 85. С. 136.

¹⁰⁵ Толстой Л. Н. Письмо Н. Н. Ге (сыну). 1885. 4 февр. // ПСС. Т. 63. С. 207.

¹⁰⁶ См.: Толстой Л. Н. Дневник. 1894. 21 апр. // ПСС. Т. 52. С. 116.

¹⁰⁷ Лосский Н. О. Нравственная личность Толстого // Л. Н. Толстой. Pro et contra. С. 230.

¹⁰⁸ См.: Толстой Л. Н. Письмо В. И. Алексееву. 1881. 15–30 нояб. // ПСС. Т. 63. С. 80.

ришь в то, во что не веришь, а иногда наоборот — думаешь, что не веришь в то, во что веришь»¹⁰⁹. Он признавался в недостатке близких людей, разделявших его веру, желая передать на суд единоверцев свои убеждения¹¹⁰. Он постоянно искал примеры истинной веры среди огромного множества людей, с которыми общался, очаровываясь ими и разочаровываясь в них¹¹¹. Он постоянно подчеркивал, что у него не было никакого собственного учения, отличного от учения Христа¹¹², которое, в свою очередь, будучи движением от человека к Богу, не содержит и не может содержать никаких определенных законов и правил и перед которым были равны «всякая степень совершенства и всякая степень несовершенства»¹¹³.

Наконец, Толстой остро чувствовал свое одиночество в простом человеческом смысле. Как пишет М. Тамке, «какие бы житейские обстоятельства ни приходилось ему преодолевать, в сущности он оставался одиноким человеком, вынужденным терпеть бремя жизни в обществе»¹¹⁴. Толстой писал в дневнике от 3 апреля 1892 г.:

Я один, а людей так ужасно, бесконечно много, так разнообразны все эти люди, так невозможно мне узнать всех их — всех этих индейцев, малайцев, японцев, даже тех людей, кот[орые] со мной всегда — моих детей, жену... Среди всех этих людей я один, совсем одинок и один. И сознание этого одиночества, и потребности общения со всеми людьми, и невозможности этого общения достаточно для того, чтобы сойти с ума. Одно спасение — сознание внутреннего, через Бога, общения со всеми ими. Когда найдешь это общение, перестает тревожить потребность внешнего общения¹¹⁵.

Толстой прекрасно понимал, что вера в любовь, не имеющую никакого внешнего образа, и почитание Бога, которое не определено никакой формой, временем и местом, большинству людей кажется чем-то неясным и даже сомнительным¹¹⁶. В то же время даже человеку, убежденному в истинности своей веры,

¹⁰⁹ Толстой А. Н. Письмо Е. И. Попову. 1890. 16 сент. // ПСС. Т. 65. С. 162.

¹¹⁰ См.: Толстой А. Н. Письмо В. Г. Черткову. 1885. 6–7 июня // ПСС. Т. 85. С. 223.

¹¹¹ Хорошо известно о неоднозначном отношении А. Н. Толстого к движению толстовства. См. об этом: Мелешико Е. Д. Христианская этика А. Н. Толстого. М., 2006 ; Alston C. Tolstoy and His Disciples. The History of a Radical International Movement. L. ; N. Y., 2014.

¹¹² См.: Толстой А. Н. Как читать Евангелие и в чем его сущность? // ПСС. Т. 39. С. 114.

¹¹³ Толстой А. Н. Царство Божье внутри нас // ПСС. Т. 28. С. 79.

¹¹⁴ Тамке М. Религия Толстого : Духовная биография. С. 25.

¹¹⁵ Толстой А. Н. Дневник. 1892. 3 апр. // ПСС. Т. 52. С. 64–65.

¹¹⁶ См.: Толстой А. Н. Единая заповедь // ПСС. Т. 38. С. 104.

трудно не усомниться в ней, «когда он узнает про то, как другие люди точно так же уверены в истинности своих вер и признают его веру ложною»¹¹⁷. Выход из этого противоречия заключается в признании любви как одного предмета веры и единого принципа жизни, общего для всех людей:

Веруя во все это ... что Бог есть любовь и что душа наша есть проявление Его... мы сходимся в вере с лучшими людьми всего мира, с мудрецами Китая, Индии, Древней Греции, Рима и др. Веруя же в догматы *своей* церкви: в таинства, в иконы, мощи и чудеса, мы расходимся не только со всем человечеством, но со многими христианскими вероисповеданиями¹¹⁸.

Человек, который признает любовь как такой общий для всех предмет веры, не может иметь никаких сомнений в ее истинности, а христианство, сосредоточенное на любви как основе жизни, совпадает с «основными положениями браманизма, конфуцианства, таоизма, еврейства, буддизма, даже магометанства», и так же, как и все эти учения, является простым, понятным и немного-сложным¹¹⁹. Общая заповедь, основные положения которой одинаковы во всех вероисповеданиях в силу единства человеческой природы¹²⁰, по мысли Толстого, определяет отношение человека к Богу как части к целому и выводит из этого отношения назначение человека, состоящее в увеличении в себе «Божественного свойства»¹²¹:

Поступай с другими так, как ты хочешь, чтобы поступали с тобою, не мсти людям, делающим тебе злое, а плати добром за зло, будь воздержен, целомудрен, не только не убивай людей, но не гневайся на них, соблюдай мир со всеми, и мн[огое] др[угое]¹²².

Толстой никогда не отступал от своего понимания веры и ее императива — учения Христа о непротивлении злу силой. За несколько недель до смерти от писал о том, что наконец всем своим существом ясно понял границу между противлением как «деланием зло за зло» и «противлением неуступания в той

¹¹⁷ Толстой Л. Н. Единая заповедь // ПСС. Т. 38. С. 105.

¹¹⁸ Толстой Л. Н. Письмо иеромонаху Арсению. 1907. 28 мая // ПСС. Т. 77. С. 118.

¹¹⁹ См.: Толстой Л. Н. Что такое религия и в чем сущность ее? // ПСС. Т. 35. С. 190.

¹²⁰ «У всех вер одни и те же основы. И не может быть иначе — человек везде один» (Толстой Л. Н. Дневник. 1907. 13 февр. // ПСС. Т. 56. С. 15).

¹²¹ Толстой Л. Н. Что такое религия и в чем сущность ее? // ПСС. Т. 35. С. 191.

¹²² Толстой Л. Н. Письмо В. К. Заволокину. 1900. 17 дек. // ПСС. Т. 72. С. 528.

своей деятельности, к[отор]ую признаешь своим долгом перед своей совестью и Богом»¹²³. Пройдя огромный путь в вере — от мечты об основании собственной религии¹²⁴ через страстное отрицание веры того типа, который Толстой считал «обманом»¹²⁵, — он пришел к твердой убежденности в том, что истинная вера подразумевает терпимость по отношению к другим верам. Он убедился в этом после соприкосновения с невероятным количеством людей, как понимающих и принимающих его убеждения, так и совершенно нетерпимых к ним¹²⁶. В конце концов он понял, что каждый человек имеет ту веру, которая соответствует его (ее) уму и сердцу, и поэтому невозможно требовать от людей, чтобы они верили по чьей-то указке. Вот что он писал об этом А. А. Толстой, которая много лет была одним из его основных оппонентов в споре о вере:

Различие религиозных убеждений не может и не должно не только мешать любовному единению людей, но не может и не должно вызывать в людях желания обратить любимого человека в свою веру... Истина эта давно всем известна, и я только недавно сердцем почувствовал ее, понял, как вера человека (опять если она искренна) не может уменьшить его достоинств и моей любви к нему. И с тех пор я перестал желать сообщать свою веру другим и почувствовал, что люблю людей совершенно независимо от их веры¹²⁷.

Такая вера накладывает на каждого истинно верующего человека обязанность уважать искреннюю веру других людей и не вмешиваться в нее. «Если я когда отступал от этого правила, — пишет Толстой, — то я всем сердцем каюсь в этом и прошу прощения у тех, чувство которых я оскорбил этим»¹²⁸.

¹²³ Толстой А. Н. Письмо В. Г. Черткову. 1910. 16 сент. // ПСС. Т. 89. С. 213.

¹²⁴ «Вчера разговор о Божест[венном] и вере навел меня на великую громадную мысль, осуществлению которой я чувствую себя способным посвятить жизнь. — Мысль эта — основание новой религии, соответствующей развитию человечества, религии Христа, но очищенной от веры и таинственности» (Толстой А. Н. Дневник. 1855. 4 марта // ПСС. Т. 47. С. 36–37). Это место многократно цитируется критиками Толстого, которые, как, например, Г. Флоровский, считают, что Толстому была свойственна «однодумность... упорное и упрямое однообразие... мысли», которое всю жизнь вело его по ложному пути рационализма в вере (Флоровский Г. У истоков // А. Н. Толстой. Pro et contra. С. 677).

¹²⁵ См.: Гельфонд М. А. Вера как стратегия жизни.

¹²⁶ «Я очень счастлив тем, что стал совсем по-настоящему веротерпим. И научили меня неверотерпимые люди» (Толстой А. Н. Дневник. 1903. 13 марта // ПСС. Т. 54. С. 163).

¹²⁷ Толстой А. Н. Письмо А. А. Толстой. 1903. 21 февр. // ПСС. Т. 74. С. 48–49.

¹²⁸ Толстой А. Н. Черновое письмо неизвестному адресату. 1909. 21 июня // ПСС. Т. 79. С. 241.

Толстой и проблема веротерпимости

Если говорить в целом о понимании Толстым веры, то прежде всего нужно подчеркнуть его исключительную прочувствованность, продуманность и абсолютную завершенность. Все составляющие этого понимания, все вопросы и ответы существуют и развиваются в единстве друг с другом и в конечном счете сходятся в одной точке. Как пишет А. Зорин, «учение Толстого очень легко отвергнуть от начала и до конца, но чрезвычайно трудно, если вообще возможно, отыскать в нем внутренние противоречия и противопоставить одну его часть другим»¹²⁹.

Ключевой особенностью этого схождения оказывается простота, поскольку состояние веры, будучи способом удерживания бесконечности в настоящем, может подразумевать только такое содержание, которое можно успеть проговорить в течение исчезающего мгновения этого настоящего¹³⁰. В то же время это содержание — любовь — есть «проявление Божественной сущности, для которой нет времени, и потому любовь проявляется только в настоящем, сейчас, во всякую минуту настоящего»¹³¹. На самом деле эту веру трудно зафиксировать в каком-то законченном виде, поскольку по своей сути она есть постоянное движение от себя к Богу, в котором нет и не может быть определенных законов и правил¹³², а христианские заповеди «суть как бы заметки на бесконечном пути совершенства, к которому идет человечество»¹³³. Вера, к которой пришел Толстой, есть сама жизнь, точнее, неизбежное, как дыхание, условие жизни¹³⁴. Веру Толстого можно понять только в контексте всей его жизни и творчества и в безусловном доверии к его собственным словам, которое оправдано, во-первых, исключительной и подтвержденной временем целостностью его веры и, во-вторых, его беспощадным предоставлением себя в качестве одновременно субъекта

¹²⁹ Зорин А. Жизнь Льва Толстого: опыт прочтения. С. 134.

¹³⁰ В дневнике от 24 августа 1906 г. Толстой делает любопытную запись: «Вчера пришла поразившая меня мысль о том, что письмо, а тем более печать были главной причиной извращения истинной веры, раскрытой великими основателями религий... Все большие религии распространялись устно. И мне кажется, что только так и может распространяться истинная религия. И не столько устно, сколько не письмом, не печатью, а жизнью и частью жизни — устной проповедью... При распространен[ии] жизнью и устной проповедью проверка истины всегда в жизни проповедника и всякая ошибка в слове, выражении проходит бесследно; остается его искренность, и она только служит истинным проводником» (Толстой Л. Н. ПСС. Т. 55. С. 239–240).

¹³¹ Толстой Л. Н. Путь жизни // ПСС. Т. 45. С. 336.

¹³² См.: Толстой Л. Н. Царство Божье внутри нас // ПСС. Т. 28. С. 79.

¹³³ Там же. С. 80. О «богословии совершенства» у Толстого см.: Густафсон Р. Обитатель и Чужак: Теология и художественное творчество Льва Толстого.

¹³⁴ См.: Толстой Л. Н. Письмо А. Е. Алехину. 1909. 11 апр. // ПСС. Т. 79. С. 155.

веры и наблюдателя самого себя, «обитателя» (*resident*) и «чужака» (*stranger*) по отношению к самому себе, если воспользоваться метафорой Р. Густафсона.

Уильям Джеймс писал о вере Толстого: «В его душевном кризисе почти не было теологического элемента. Его вера — результат интуитивно познанного нравственного смысла бесконечности жизни»¹³⁵. Для Толстого вера человека и есть сам человек, точка опоры, на которой строится вся жизнь человека и которая дает ему возможность развиваться. У каждого человека такая точка опоры своя: «Все зависит от веса его требован[ий] сердца и разума»¹³⁶. Вера есть единственное средство обретения своего подлинного «я»: «Вера — это только сознание своего положения — своего положения не выше, а главное, не ниже, не ничтожнее, чем оно есть»¹³⁷.

Наконец, такая вера является способом объединения людей, поскольку она основана на признании всеобщего равенства относительно бесконечности Бога. Именно *универсальность предмета веры*, о которой уже шла речь выше, оказывается основанием подлинной человечности, позволяющей выходить за пределы конфликтов между людьми и народами и находить почву для примирения:

Любить Бога в себе значит стремиться к высшему совершенству любви, и любить Бога в других людях значит признавать в каждом человеке того же Бога, который живет во мне, и потому делать каждому человеку не то, чего сам хочешь, а чего хочет Бог, живущий во всех людях¹³⁸.

Инесса Меджибовская высказала интересную мысль о том, что Толстой в своих полуавтобиографических текстах, описывающих его веру, не побоялся представить себя в качестве типичного героя, переживающего духовное обращение: «В этом смысле он был первым русским человеком модерности, первым защитником автономной свободы совести, ее первым последовательным и смелым местом контакта, ее открытой практикой и форумом»¹³⁹. Уже в свое время Толстой для всего мира стал собеседником, который своим примером демонстрировал одновременную укорененность в собственной культуре, доверие к собственным убеждениям и в то же время открытость к другим традициям и уважение к инаковости и различиям. Как подчеркивает Джон Фостер: «Толстым движет преимущественно желание доказать, что люди во всем мире

¹³⁵ Джеймс В. Многообразие религиозного опыта. СПб., 1992. С. 201.

¹³⁶ Толстой А. Н. Дневник 1910 г. 27 марта // ПСС. Т. 58. С. 30.

¹³⁷ Толстой А. Н. Письмо В. Г. Черткову. 1889. 23 дек. // ПСС. Т. 86. С. 281.

¹³⁸ Толстой А. Н. Единая заповедь // ПСС. Т. 38. С. 108.

¹³⁹ Medzhibovskaya I. Tolstoy and the Religious Culture of His Time. P. 352.

полностью едины в принятии самых важных человеческих ценностей, являющихся по определению транснациональными. Он является решительным противником всех видов патриотической истерии, ура-патриотизма, культурного принуждения и колониального завоевания»¹⁴⁰.

* * *

Универсальность веры Толстого парадоксальным образом основывается на ее предельно *индивидуальном характере*. При этом то, что в начале XX в. многими воспринималось как злостное нарушение общепринятых правил, в начале XXI в. стало одной из привычных черт современного общества, в котором существуют самые разнообразные индивидуальные формы веры, траекторию которой человек может составить самостоятельно¹⁴¹.

Толстой, как уже говорилось выше, рассматривал христианство исключительно через призму своего собственного жизненного опыта. Однако если признать право Толстого (как и любого другого человека) на собственную интерпретацию Евангелия (как и любого другого текста), то, независимо от согласия или несогласия с его интерпретацией, главным будет принятие этого его права и установленных им для себя принципов. Учитывая тот факт, что Библия была написана людьми с их достоинствами и недостатками, предрассудками и озарениями, вероятно, следует согласиться и с тем, что все ее читатели имеют такое же право на собственные предрассудки и озарения. Кроме того, это право подразумевает отсутствие обязательств по отношению к догматическим правилам, установленным традицией и церковными институциями в отношении интерпретации новозаветных текстов.

Таким образом, вывод, который неизбежно вытекает из анализа религиозной философии Толстого в соответствии с его собственными принципами, заключается в признании его права, как и всех других людей, на свободу совести, собственную веру и собственное понимание религии. Согласно Толстому, «золотое правило нравственности» как единственное общее содержание всех религий не только допускает, но подразумевает различия в религиозных убеждениях во всем остальном, кроме самого этого правила. Другими словами, единство религий заключается в принципе, который управляет отношениями

¹⁴⁰ Foster J. B. Transnational Tolstoy: Between the West and the World. N. Y., 2013. P. 21.

¹⁴¹ Эта тема исследуется многими современными авторами. См., например: Cox H. The Future of Faith. N. Y., 2009 ; Beck U. A God of One's Own: Religion's Capacity for Peace and Potential for Violence. Cambridge, 2010 ; Эрвье-Леже Д. В поисках определенности: парадоксы религиозности в обществах развитого модерна // Государство, религия, церковь в России и за рубежом, 2015. № 1 (33). С. 254–268.

между людьми, а не в конкретном содержании вероучений, которое может быть сколь угодно различным. Именно это — а не свое исключительное право на владение истиной — страстно отстаивал Толстой, когда писал: «Я не говорю, что я один в истине и что все верующие иначе заблуждаются, но прошу и всех других относиться ко мне так же»¹⁴². Этот принцип, чрезвычайно важный во все времена, приобретает исключительное значение в современном плюралистическом мире как способ обретения почвы для диалога между народами и людьми.

Список литературы

Берлин И. История свободы. Россия / И. Берлин. — Москва : Новое лит. обозрение, 2001. — 544 с. — ISBN 5-86793-133-1.

Бирюков П. Биография Л. Н. Толстого : в 2 т. Т. 1 / П. Бирюков. — Москва : Алгоритм, 2000. — 333 с. — ISBN 978-5-88878-016-9.

Джеймс В. Многообразие религиозного опыта / В. Джеймс. — Санкт-Петербург : Андреев и сыновья, 1992. — 418 с. — ISBN 5-87452-032-5.

Гельфонд М. А. Вера как стратегия жизни : (Размышления о природе веры Л. Н. Толстого) / М. А. Гельфонд // Этическая мысль. — 2009. — Вып. 9. — С. 65–84.

Гельфонд М. А. Л. Н. Толстой как философ: Pro et Contra / М. А. Гельфонд // Этическая мысль. — 2010. — Вып. 10. — С. 174–189.

Гусейнов А. А. Философское наследие Л. Н. Толстого : (интервью Предрага Чичовачки) / А. А. Гусейнов // Философский журнал. — 2018. — Т. 11. — № 2. — С. 5–21. — DOI 10.21146/2072-0726-2018-11-2-5-21.

Густафсон Р. Ф. Обитатель и Чужак : Теология и художественное творчество Льва Толстого / Ричард Ф. Густафсон ; пер. с англ. Т. Бузиной. — Санкт-Петербург : Академ. проект, 2003. — 476 с. — ISBN 5-7331-0156-3.

Зорин А. Жизнь Льва Толстого: опыт прочтения / А. Зорин. — Москва : Новое лит. обозрение, 2020. — 244 с. — ISBN 978-5-4448-1176-4.

Мелешко Е. Д. Христианская этика Л. Н. Толстого / Е. Д. Мелешко. — Москва : Наука, 2006. — 309 с. — ISBN 5-02-034042-1.

Орвин Д. Искусство и мысль Толстого. 1847–1880 / Д. Орвин. — Санкт-Петербург : Академ. проект, 2006. — 303 с. — ISBN 5-7331-0349-3.

Ореханов Г. Русская Православная Церковь и Л. Н. Толстой: конфликт глазами современников / Г. Ореханов. — Москва : Правосл. Свято-Тихон. гуманит. ун-т, 2010. — 692 с. — ISBN 978-5-7429-0597-4.

¹⁴² Толстой Л. Н. Письмо М. М. Дондуковой-Корсаковой. 1909. 31 авг. — 1 сент. // ПСС. Т. 80. С. 83.

Ореханов Г. Лев Толстой. «Пророк без чести»: хроника катастрофы / Г. Ореханов. — Москва : ЭКСМО, 2016. — 608 с. — ISBN 978-5-699-91802-7.

Паперно И. «Кто, что я?»: Толстой в своих дневниках, письмах, воспоминаниях, трактатах / И. Паперно. — Москва : Новое лит. обозрение, 2018. — 232 с. — ISBN 978-5-4448-0914-3.

Плеханов Г. В. Избранные философские произведения : в 5 т. Т. 5 / Г. В. Плеханов. — Москва : Изд-во соц.-эк. лит., 1958. — 904 с.

Сравнительная философия : Знание и вера в контексте диалога культур / ред. Г. О. Ковтунович, О. В. Мажидова. — Москва : Вост. лит. РАН, 2008. — 342 с. — ISBN 978-5-02-036338-0.

Степанова Е. А. «Наш Христос — не Ваш Христос»: проблема индивидуальной интерпретации священного текста / Е. А. Степанова // Вопросы философии. — 2017. — № 4. — С. 50–60.

Тамке М. Религия Толстого : Духовная биография / М. Тамке. — Москва : Библейский Богослов. Ин-т св. апостола Андрея, 2015. — 232 с. — ISBN 978-5-89647-322-0.

Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. / Л. Н. Толстой. — Москва : Худож. лит., 1935–1958.

Л. Н. Толстой. Pro et contra : Личность и творчество Льва Толстого в оценке русских мыслителей и исследователей / сост. К. Исупов. — Санкт-Петербург : Изд-во Рус. христиан. гуманитар. ин-та, 2000. — 984 с. — ISBN 5-88812-087-1.

Л. Н. Толстой и А. А. Толстая : Переписка 1857–1903 / изд. подг. Н. И. Азарова, Л. В. Гладкова, О. А. Голиненко, Б. М. Шумова ; отв. ред. Л. Д. Громова-Опульская, И. Г. Птушкина. — Москва : Наука, 2011. — 974 с. — ISBN 978-5-02-037387-7.

Лев Николаевич Толстой / под ред. А. А. Гусейнова, Т. Г. Щедринной. — Москва : РОССПЭН, 2014. — 574 с. — ISBN 978-5-8243-1880-7.

Шлейермахер Ф. Речи о религии к образованным людям ее презиравшим. Монологи / пер. с нем. С. Л. Франк. — Москва ; Киев : REFL-Book : ИСА, 1994. — 432 с. — ISBN 5-87983-015-2.

Эрвье-Леже Д. В поисках определенности: парадоксы религиозности в обществах развитого модерна / Д. Эрвье-Леже // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. — 2015. — № 1 (33). — С. 254–268.

Alston C. Tolstoy and His Disciples : The History of a Radical International Movement / C. Alston. — London ; New York : I. B. Tauris, 2014. — 320 p. — ISBN 978-1350159433.

Anniversary Essays on Tolstoy / ed. D. T. Orwin. — Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2010. — 268 p. — ISBN 978-0-521-51491-0.

Beck U. A God of One's Own: Religion's Capacity for Peace and Potential for Violence / Ulrich Beck. — Cambridge : Polity Press, 2010. — 264 p. — ISBN 978-0745646190.

Cox H. *The Future of Faith* / Harvey Cox. — New York : HarperOne, 2009. — ISBN 978-0061-755-52-1.

Epic Revisionism: Russian History and Literature as Stalinist Propaganda / ed. K. Platt, D. Brandenberger. — Madison : Univ. of Wisconsin Press, 2006. — 376 p. — ISBN 978-0-299-21504-0.

Foster J. B. *Transnational Tolstoy: Between the West and the World* / John Burt Foster. — London : Bloomsbury, 2013. — 247 p. — ISBN 978-1-4411-5326-5.

Gustafson R. F. *Leo Tolstoy, Resident and Stranger: A Study in Fiction and Theology* / R. F. Gustafson. — Princeton : Princeton Univ. Press, 1986. — 480 p.

Kolstø P. *The Demonized Double : The Image of Lev Tolstoi in Russian Orthodox Polemics* / P. Kolstø // *Slavic Review*. — 2006. — № 65. — P. 304–324.

Kolstø P. *Fame, Sainthood and Iurodstvo: Patterns of Self-Presentation in Tolstoi's Life Practice* / P. Kolstø, U. Schmid // *Slavic and East European Journal*. — 2013. — Vol. 57. — № 4. — P. 525–543.

McLean H. *In Quest for Tolstoy* / H. McLean. — Brighton : Academic Studies Press, 2008. — 249 p. — ISBN 978-1-934843-02-4.

Medzhibovskaya I. *Tolstoy and the Religious Culture of His Time: A Biography of a Long Conversion, 1845–1887* / I. Medzhibovskaya. — Lanham : Rowman & Littlefield, 2009. — 450 p. — ISBN 978-0739140758.

Orwin D. *Tolstoy's Art and Thought, 1847–1880* / D. Orwin. — Princeton : Princeton Univ. Press, 1993. — 467 p. — ISBN 978-1400-820-88-7.

Paperno I. *"Who, What Am I?": Tolstoy Struggles to Narrate the Self* / I. Paperno. — New York : Cornell Univ. Press, 2014. — 229 p. — ISBN 978-5-4448-1027-9.

Poole R. A. *"Russia's First Modern Man": Tolstoy, Kant, and Russian Religious Thought* / R. A. Poole // *Tolstoy Studies Journal*. — 2010. — Vol. 22. — P. 99–117.

Scanlan J. P. *Tolstoy among the Philosophers: His Book on Life and Its Critical Reception* / J. P. Scanlan // *Tolstoy Studies Journal*. — 2006. — № 18. — P. 52–69.

Scanlan J. *Tolstoj as Analytic Thinker: His Philosophical Defense on Violence* / J. Scanlan // *Studies in East European Thought*. — 2011. — Vol. 63. — № 1. — P. 7–14.

Steiner L. *The Russian Aufklärer: Tolstoi in Search of Truth, Freedom, and Immortality* / Lina Steiner // *Slavic Review*. — 2011. — Vol. 70. — № 4. — P. 773–794.

Tolstoy and His Problems: Views from the Twenty-First Century / ed. by I. Medzhibovskaya. — Evanston : Northwestern Univ. Press, 2019. — 248 p. — ISBN 978-0-8101-3880-3.

William James in Russian Culture / ed. by J. D. Grossman, R. Rischin. — Lanham : Lexington Books, 2003. — 273 p. — ISBN 978-0739105276.